

**Стоит помнить
(Краткий курс истории неоконченного противостояния власти и науки)**

*И всё так же, не проще,
Век наш пробует нас:
Можешь выйти на площадь?
Смеешь выйти на площадь?
Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь
В тот назначенный час?!*

А. Галич

«Петербургский романс»

Старую, существовавшую более трёхсот лет академию наук России, усилиями власти, включая её высших руководителей¹, развалили. На её месте создаётся сразу два учреждения – клуб выдающихся учёных в пёстрой смеси от математика и физика – теоретика до агронома и скотовода, не имеющий ровно никакой власти, и управление имуществом, которое с неизбежностью станет реально командовать и всеми, сейчас принадлежащими академии институтами.

Правило жизни цивилизованного общества – подчинение граждан принятым избранной ими властью законам. Но это обязывает и власть принимать цивилизованные законы. Нарушение подобного дуализма опасно. Трудно подчиняться тому, что кажется неверным и вредным. Общий выход наметил известный сатирик, указавший, что «свирепость российских законов компенсируется лишь их повсеместным неисполнением»². Так что, ещё не вечер...

Идёт много разговоров о причинах этого лихого анти-академического шага, подготовленного в обстановке полной секретности от людей, в науке работающих. Говорят об огромной собственности Академии, которую власть вместе с окол властными потребителями хотят забрать и поделить. Вероятно, это существенный фактор. Но среди моих многочисленных знакомых, членов РАН, нет буквально ни одного, кто владел бы хоть сколько-нибудь заметной долей в этой собственности, и, вцепившись в неё, не хотел бы отдавать в руки «мастеров управления».

Зная, пусть и по старым, давно ушедшим временам, а люди меняются, некоторых важных закулисных участников разгрома РАН, рискну предположить, что деньги – не вся сила и не в деньгах счастье. Даже О. Бендер знал 400 способ отъёма денег, а с тех пор это важное умение лишь совершенствовалось. Уверен, что реальный отъём академической собственности можно было бы осуществить, при доле участия небольшой группы академиков, или даже без него, и притом тихо. Да к тому же право руководства институтов, да и самой Академии свободно распоряжаться собственностью давно сведено практически к нулю.

Часто звучат от политиков и СМИ обвинения в том, что собственность академии используется учёными недостаточно эффективно, и далее терпеть такое невозможно. Но совершенно неясно, как эту эффективность повысят неучи³.

Говорят о финансовых злоупотреблениях в руководстве Академии и циркулируют слухи о приватизированной бывшим президентом РАН квартиры площадью 400 м². Не

могу в слухах отличать правду от лжи, но объяснить разгром ведомства, старинного и влиятельнейшего, лишь тем, что кто-то в руководстве замешан в неблагоприятных поступках или даже просто в хищениях – также не могу. Да и что в масштабах страны эти четыреста метров в сравнении с квартирами, опять же по слухам, спортивных вождей или, тем более, «эффективных менеджеров»?! Вообще, модифицированный большевистский лозунг «Грабь, что можешь!», приобрёл сегодня необычайную популярность.

Замечу, что ведь не пытаются, несмотря на обнаруженные и документированные крупнейшие финансовые злоупотребления, ликвидировать, например, министерство обороны, передав корабли, танки, ракеты и самолёты в специальное управление военным имуществом, выделив генералитет в отдельный клуб, дающий советы, как и когда этой техникой пользоваться.

Вообще, казалось бы, раскрытие преступлений в области финансовой или иной – занятие следователей, а наказание – судов. И делаться это должно без учёта ведомственной принадлежности преступников, которые обычно по числу составляют небольшую долю учрежденческого активного персонала.

Думаю, что решающим фактором, предопределившим происшедшее, было желание разгромить академию как социальную, потенциально протестную, структуру общества. Никакой творческий союз – писателей, кинематографистов, композиторов или художников не опирается на примерно сотню тысяч сотрудников, организованных в институты, региональные отделения и подчинённые единому центру, в значительной мере выборному – Президиуму и президенту. Именно поэтому существование академии традиционно рассматривается властью как вызов, как потенциально весьма опасный источник непокорности. Непокорность же есть результат того факта, что положение в академии наук, членство в ней, во всяком случае в части математики, физики, химии и биологии, т.е. натуральных наук, в основном определяется научными достижениями, признанием коллег по всему миру. Это проверяемая вещь и она диктует определённую независимость в суждениях и опасную фронду в поведении избранных.

Вот эта причина – желание сломать потенциальных фрондёров, желание утереть им нос, показав, что они «такие же, как все», и подчинятся общей формуле, блестяще сформулированной поэтом: «Дайте собакам мяса – может они подерутся», стало основной движущей силой⁴. Именно для этого возникла приманка повышения стипендии до уровня зарплаты милицейского (пардон, полицейского, офицера)⁵. Расчёт был незатейлив – побоятся академические люди лишиться устойчивой пенсии, заметно большей обычной, государственной, получаемой простыми смертными. Конечно, «осчастливленные» получатели «мяса» могли бы заподозрить, что эта повышенная стипендия – дело временное, что её легко отобрать под предлогом восстановления социальной справедливости и равенства, ссылаясь, к тому же, и на мировой опыт – «там» за членство в Академии почти нигде не платят. Но любому человеку свойственно верить и надеяться...

Организаторы разгрома Академии несколько просчитались, на мой взгляд, встретив особенно сильное сопротивление среди тех, кто собственностью не владеет, но отчётливо понимает, что принятый закон никакого отношения к улучшению качества научной работы, к финансовому и материально-техническому обеспечению условий научной работы и жизни работников не имеет. Напротив, от него за версту разит крепостничеством, когда холопов беспрепятственно передают от одного барина другому.

Однако намерение передачи гладко не прошло, и, я уверен, попытка «переломить через колено» всё академическое сообщество, основным элементом которого являются именно научные сотрудники институтов, не удалась. Думаю, что впереди ещё многочисленные протесты, и акты сопротивления, которые, несомненно, проявятся, если и когда закон начнут проводить в жизнь. Несомненным результатом закона станет переезд

ряда подающих надежды сотрудников Академии за границу, где отношение к научному работнику более ровное и, пожалуй, в основном гораздо более уважительное.

Слышал ряд комментариев, объясняющих вялую реакцию общества на разгром Академии осознанием её малой эффективности и общественной пассивности. Эффективность определить сложно, но, на мой взгляд, дела в перечисленных выше отделениях академии – математики, физики, химии и биологии - обстоят совсем не так плохо, особенно, если учитывать при оценке её, уровень финансирования. Вообще, отмечу, что из цепких лап «реформенных преобразований» наука сумела, вопреки действиям руководства страны, начиная с 90х, выйти сравнительно благополучно.

В очередной раз убедился в этом, когда сравнительно недавно приехал в Воронеж на конференцию по фундаментальной атомной спектроскопии. Было много докладов молодых учёных, которые органично вошли в хорошие зарубежные коллективы, публикуются в престижнейших журналах. А вот сборочные цеха некогда знаменитого выпуска Ил-86 и Ту-144 авиазавода находятся в таком состоянии, что прямо могли бы использоваться как декорации к фильму «Сталинградская битва». Исчез и знаменитый завод кинескопов, как, например, и ленинградская «Светлана».

Верно, что обычная академическая фронда мало проявлялась в последнее время, и научное сообщество подчас бывало слишком отделено от интересов общества, особенно его непокорной части⁶. Это печальный факт, который имеет, однако, свои причины. Сыграв огромную роль в демократических преобразованиях самого начала 90х, научное сообщество впервые за много лет почувствовало себя обманутым и отодвинутым на обочину жизни теми, приходу которых во власть столь сильно способствовало. Власти же открыто заговорили о том, что России не нужно такое большое научное сообщество, которое было у СССР. Стремительная девальвация академических стипендий, фактически прекращение государственного финансирования властно диктовали научному сообществу антиобщественный лозунг «Спасайся, кто и как может». Спасение находили в переходе к бизнесу и работе временно, или, кому удалось получить позицию, постоянно за границей.

Наука, с переоценкой обществом своих ценностей от знаний к незаработанным, бьющим из под земли деньгам, отодвигалась в сторону. Героями страны стали уголовники – братки, сориентировавшиеся в борьбе за денежные знаки быстрее других, «владельцы» нефти, газа, алюминия, алмазов и т. п., что раньше, пусть и теоретически, но относилось к элементам всеобщего достояния. Этой публике настоящая наука пока ни к чему. Запросы нуворишей временно удовлетворяет имеющийся задел, а в области искусства – его простейшие, ставшие чудовищно доходными, формы. И спорт, конечно – как же без него и его звёзд.

Конечно, научные работники в итоге получили некоторую долю «трубного» благоденствия, их материальное обеспечение улучшалось. Повысились зарплаты, дойдя до среднего уровня по стране. Появилось и кой-какое оборудование. Полученное, однако, не вернуло утерянного с 90х общественного статуса, и не уничтожило полностью дух независимости, который самим видом деятельности характеризует научного работника.

Противостояние науки и власти – вещь не новая. Деятели науки часто были неосторожны и прямы в высказываниях, добивались определённых, необходимых для нормальной работы условий⁷. В борьбе с научным вольнодумством испокон веку использовалась триада воздействий – расстрел, подкуп, переубеждение. Конечно, идеология слабее денег, и подкупить кажется куда более простым, чем переубедить, особенно, когда речь идёт о людях, для которых думать, анализировать, искать противоречия и возражать – занятия профессиональные.

Приведу несколько примеров громкой критики власти со стороны учёных. Вот выдержка из [письма наркому](#) просвещения А. В. Луначарскому от 12.02.1922 г. неперменного секретаря Академии наук С. Ольденбурга: «Российская Академия Наук

обращается к властям и надеется, что голос ее будет услышан и что будет немедленно сделано все, что возможно, дабы не пала на русскую революцию тягчайшая ответственность за гибель науки. России нужна наука и наука должна быть сохранена для жизни страны и народа». Звучит вполне по-современному, не правда ли.

Поражает смелостью письмо, [написанное 21.12.1934 И. П. Павловым](#) председателю Совета Народных Комиссаров В. М. Молотову (и прочитанное им): «Вы сеете по культурному миру не революцию, а с огромным успехом фашизм. До Вашей революции фашизма не было. Ведь только нашим политическим младенцам Временного Правительства было мало даже двух Ваших репетиций перед Вашим октябрьским торжеством. Все остальные правительства вовсе не желают видеть у себя то, что было и есть у нас и, конечно, во время догадываются применить для предупреждения этого то, чем пользовались и пользуетесь Вы – террор и насилие. Разве это не видно всякому зрячему!».

Стоит помнить, что во времена сталинщины, когда поддержка арестованного коллеги или даже членов его семьи были крайне опасны, такие люди, как Я. И. Френкель и П. Л. Капица, да и не только они, решительно помогали своим опальным коллегам и друзьям, морально и материально поддерживали их семьи. Одних, как М. П. Бронштейна, спасти не удалось, другие, как В. А. Фок и Л. Д. Ландау вышли на свободу.

Учёные академии вели упорную борьбу с научным позором СССР – лысенковщиной, что вылилось в знаменитое [письмо трёхсот](#), направленное в ЦК КПСС в 1955 г. Примечательно, что под ним, наряду с биологами, поставили свои подписи и виднейшие физики, включая и тех, кто руководил разработкой атомной и водородной бомб.

Известно, что с отставкой Хрущёва и приходом к власти Брежнева возникла опасность своего рода реабилитации Сталина. Против неё резко выступила советская интеллигенция, о чем говорит знаменитое письмо [двадцати пяти](#). Среди подписавших его крупнейших деятелей культуры – шесть академиков, четверо из которых – виднейшие физики. Вскоре на ту же тему появилось [письмо тринадцати](#), среди подписавших которое семеро – учёные. Имелось на эту тему [очень важное обращение](#), подписанное академиками А. П. Александровым, Н. Н. Семёновым и Ю. Б. Харитоновым.

Именно у научных работников находили слушателей и поклонников гонимые властью или ею просто не жалуемые артисты, художники, поэты. Молодёжное кафе новосибирского Академгородка «Под интегралом» стало всесоюзным центром анти-официоза. Но учёные не были просто пассивными слушателями и зрителями. Возражения властям, критика существующих порядков очень нередко исходила от учёных, шла из научной среды. В крушении большевизма свою роль, совсем не последнюю, сыграли и отдельные учёные, например, А. А. Зиновьев и Ю. Ф. Орлов. Целая эпоха в противостоянии власти с наукой связаны с именем академика А. Д. Сахарова, начиная с его противодействия испытаниям мощнейших водородных бомб вплоть до открытой борьбы за права человека.

Никак не стояли виднейшие учёные в стороне от общественно-политической жизни СССР, не пресмыкались перед властью, хотя и не были ею в материальном плане обижены, или обделены почётом и почестями. Эта линия не исчезла с ликвидацией особого статуса научного работника в России. Так, видные учёные сравнительно недавно, в 2007, выступили против [клерикализации школьного образования](#). Не стоит молча в стороне и научное сообщество в целом, несмотря на смещение общественных приоритетов в сторону от науки.

Напомню, что реформе предшествовала длительная «артподготовка» по дискредитации науки, которая велась в СМИ. Немало потрудились для демонстрации того, что она неэффективна, что не меньшую пользу может общество получить от псевдонауки, буквально от знахарства. Не стоит их в этом винить – надо уметь и быть готовым убедительно доказать, что ты нужен обществу, и вполне конкурентоспособен на рынке труда. Это хороший урок - СМИ есть важный инструмент борьбы за поддержку налогоплательщика, который только и может обеспечить учёному приличное существование.

Другой важный урок – это необходимость взаимодействия творческих работников. Ведь если можно поступать как с крепостными с работниками Академии наук, тем более уязвимы работники театров, музыканты оркестров, как и те, кто зависит от цензуры в СМИ. Единство творческих работников – важная вещь. Прав был поэт, писавший «я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по Тебе».

Думаю, что дух свободы не угас. Последние события лишь усилили как будто затихающее противостояние. Именно этот дух, здравый анализ несправедливости и вредности предлагаемой реформы приводит сейчас людей на митинги в защиту российской академии наук. Примечательно, что нередко в Петербурге они проходят на площади Сахарова. Ниже несколько снимков с одного из таких митингов, 01.10.13.

Санкт-Петербург

¹ Участие в развале российской академии наук руководства России несомненно, и стремительное подписание соответствующего указа президентом уничтожило жившую у многих в академическом сообществе «веру в царя».

² Цитирую М. Е. Салтыкова-Щедрина по памяти.

³ Не вкладываю в этот термин никакого оскорбительного смысла, но просто констатирую непреложный для меня факт – не может и не должен человек, ни уха и ни рыла не понимающий, например, в нанотехнологиях и нанонауке, руководить крупнейшей организацией, якобы занятой нанотехнологиями в масштабах всей России. Слишком область деятельности специфична, чтобы руководство сводить к окрику «давай, давай!» и бесконтрольно сорить, с пользой для себя и других «менеджеров», не своими деньгами.

⁴ Я отмечаю как несерьезное подозрения в том, что избрание В. Ливанова, нынешнего министра науки, в член-корреспонденты, а М. Ковальчука в академики, при их, согласно scientific.ru, крайне скромных индексах цитирования, привели к буре. Это вам не история про отсутствие гвоздя для подковы, а реальная серьезная жизнь.

⁵ Может, прощенье тут и неуместно. Не удивлюсь, если полиция опять станет милицией и переименование будет встречено с тем же пониманием общества, что и возвращение ненадолго ушедшего сезонного – зимнего времени.

⁶ С упреком в общественной пассивности выступали недавно писатели и общественные деятели, в частности, литератор Д. Быков. Замечу, однако, что в условиях снижения общественного статуса науки учёным совсем непросто пробиться на радио и телевидение. Например, на «Эхо Москвы» выступает с особым мнением журналист за журналистом, даже неуч и лгун Шевченко. Но никогда не звучало «особое мнение» крупного учёного. Мне рассказывал один из подписавших письмо против клерикализации школьного образования, сколь трудно было опубликовать письмо. А среди подписавших его были два Нобелевских лауреата.

⁷ Научные работники выступали единолично или группами. Разумеется, что по не относящимся прямо к компетенции науки вопросам общие заявления советской или российской академий наук были невозможны.